
АНТОН НЕЛИХОВ
СКАЗКИ, НЕЗНАКОМЫЕ С ДЕТСТВА
Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный
18+
МИФ

Антон Нелихов

Сказки, незнакомые с детства

Семиглазая коза, волшебный груздь
и Кот Бессмертный

Москва
МИФ
2027

УДК 398.21(=161.1).09
ББК 82.3(2=411.2)-0
Н49

Научный редактор Е. А. Самоделова

Нелихов, Антон

Н49 Сказки, незнакомые с детства. Семиглазая коза, волшебный груздь и Кот Бессмертный / Антон Нелихов ; [науч. ред. Е. А. Самоделова]. — Москва : МИФ, 2027. — 224 с., [12] л. ил.

ISBN 978-5-00281-217-2

«Колобка», «Репку», «Теремок», «Снегурочку» сегодня издают многотысячными тиражами и считают народными сказками, хотя это не вполне верно. Большинство русских сказок читатель знает в литературной обработке, а главное — всего в одном варианте, который по случайности стал классическим. Настоящие народные сказки были другими. Они постоянно менялись, у многих были открытые финалы. В народных сказках часто появлялись необычные детали и неожиданные подробности, о которых рассказывает эта книга.

УДК 398.21(=161.1).09
ББК 82.3(2=411.2)-0

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00281-217-2

© Нелихов А. Е., 2027
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

Оглавление

Предисловие 7

Колобок. Пирожки и мертвая голова 11
Репка. Многоногие помощники 23
Курочка Ряба. Апокалипсис из яичка 32
Теремок. Гостеприимный череп 44
Золотая рыбка. Граница для желаний 57
По щучьему велению. Дурак всемогущий 66
Пение волка. Сирены русской ночи 76
Липовая нога. Хромые медведи в зимнем пейзаже 85
Петух и жернова. Не вполне приличный спаситель 105
Звери в яме. Считалочка на выживание 110
Девочка и медведь. Обмануть обманщика 118
Глиняный Иванушка. История всепожирателя 125
Снегурочка. Три судьбы одной девочки 137
Морозко. Хроника покушений 148
Хаврошечка с Иванушкой. Подарки мертвых родителей 162
Избушка на курьих ножках и ее жильцы 186
Кащей Бессмертный. Что можно спрятать в яйце 207
Царевны: лягушки и старушки 218

Благодарности 235

Предисловие

Пятьдесят лет назад экспедиция иркутских фольклористов приехала в небольшую, всего в две улочки, деревню на реке Лене. Здесь жил сказочник Филипп Егорович Томшин. О себе он говорил, что с детства запоминал сказки от соседей и странников, которых здесь называли «пришельцами» и «странными».

За долгие годы у Томшина сложился богатый сказочный репертуар, он хорошо знал истории про богатырей, разбойников, змеев, но, к удивлению фольклористов, настойчиво предлагал послушать «Колобка».

Начальница экспедиции Е. И. Шастина вспоминала:

«Откровенно говоря, [сказку] про колобка слушать не хотелось. Уже несколько дней мы "увиливали" от непонятно настойчивого предложения Томшина рассказать ее. Но Филипп Егорович все-таки начал:

"В некотором царстве, в некотором государстве…"

Мы насторожились».

В самом деле, все знают, что «Колобок» должен начинаться словами «Жили-были дед и баба».

Необычным оказалось не только начало. Рассказ про колобка был зачином, за которым потянулись другие истории, одна за одной, как звенья цепи.

Лиса съела колобка, ее разморило от мягкого теста, она легла на дороге и уснула. Мимо ехал мужик с возом рыбы. «О-о! Дохлая лисичка, вот фарт старухе!» — обрадовался он и бросил тушку на воз. Лиса выкинула всю рыбу, потом отправила волка удить хвостом в проруби, а сама нанялась к бедняку пасти кур. Всех передавила. Бедняк избил ее до полусмерти («Сбубенил как следоват»), лиса взмолилась о пощаде и пообещала устроить мужику жизнь.

Начался «Кот в сапогах» с лисой в главной роли.

В конце концов лиса женила недавнего бедняка на царевне, был созван свадебный пир. «Я там был, мед-пиво пил, — сказал Томшин и добавил: — Но это присказка. Сказка еще впереди».

И сюжет полетел дальше.

Лиса добыла герою дворец великанов. Затем резкий поворот: мужик ее выгнал. Причина — нелепая. Разбогатевший мужик все равно боялся, что лиса передушит кур, хотя хозяйство было уже поистине огромным («скотины всякой навалом»).

За воротами лисе не повезло встретиться с обманутыми великанами. Один ее поймал, привязал к ступне и отправился гулять. Лиса погибла в мучениях. «Только шкурка от лисы осталась», — вздохнул Томшин.

Отвязал великан истерзанную шкурку, размахнулся и бросил во дворец. Упала она к ногам неблагодарного мужика, который только и сказал: «Ну что ж? Хоть шкура осталась. И то жене на воротник сгодится».

Вся цепочка была чистой импровизацией, которой Томшин остался недоволен: слишком жестоким получился «Колобок».

— А почему мужик-то таким злым оказался? — спросил один из слушателей.

— Так уж вывернулось у меня, — ответил сказочник и махнул рукой. Но уже через минуту оттаял, улыбнулся и горделиво заметил про сказки:

— А лохко я их соединяю. Это чтоб все ходом шло*.

История типичная. По желанию опытного сказочника сюжет мог удлиняться или, наоборот, сжиматься до голой схемы. В народе говорили: сказку, словно гармошку, и сложить, и растянуть можно. Модель Шахерезады была вполне знакома русским «странным», которые расплачивались за ночлег и еду историями.

Сказки менялись не только в размерах. В них могло поменяться почти все. В сюжет постоянно проникали дополнительные подробности и сцены, сказки соединялись друг с другом. И народная сказка всегда была импровизацией, качество и глубина которой зависели от умения и талантов сказочника.

По словам советского сказковеда Э. В. Померанцевой, для народных сказок характерно «отсутствие стабильности текста»**. Сегодня это кажется необычным, потому что сказки не рассказывают по памяти, а читают по популярным изданиям, где они представлены одним и тем же неизменным текстом, к тому же литературно обработанным.

Облагороженные, лишенные вариантов, сказки сейчас воспринимаются как истинные образцы народных. Но подлинные народные сказки не имели определенных образцов и были очень изменчивыми.

В деревнях рассказывали не одни, а десятки разных «Колобков», «Репок», «Теремков». Один и тот же сюжет отличался даже у конкретного сказочника, который мог играть концовками по настроению и в зависимости от аудитории.

Пермская сказочница говорила, что у небылицы про стариков, которые полезли в небо по гигантскому стеблю гороха, было два финала. Один для детей: старуха сильно пустила газы,

---

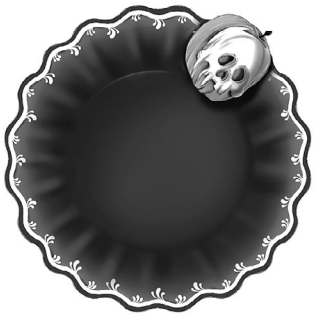
* Шастина Е. Сказки и сказочники Лены-реки. Иркутск, 1975. С. 31–32.

** Померанцева Э. В. Русская устная проза. М., 1985. С. 10.

сорвалась, упала на землю и сильно ушиблась. Старик позвал лису, чтобы ее вылечила. Лиса потребовала принести в баню масло, мед и чай, все съела и сбежала, а старуху сам муж попарил, после чего она выздоровела. Второй — для взрослых: старуха свалилась, звери взялись ей помочь, но сожрали, оставив старику только «п…у под лопушкой»*.

Сюжет менялся в зависимости от пола слушателей и времени года, мог по-разному звучать в поле, в лесу, в избе, приноравливаясь к декорациям и обстоятельствам.

Показать разнообразие сказочных сюжетов, дать возможность по-новому взглянуть на знакомые с детства сказки, увидеть неожиданные грани в историях колобка, репки, Емели, Бабы Яги и других прославленных персонажей — главные задачи данной книги.

* Русские народные сказки Пермского края. Пермь, 2004. С. 239.